

Татьяна ОКОМЕНЮК

КЛУМБА С ПЕТУШКАМИ

Рассказ

Когда я учился в школе, родители каждое лето отвозили меня к бабушке в поселок Первомайский. Сами же уезжали укреплять здоровье на Черное море. В нашей семье считалось, что проживание с собственным ребенком двенадцать месяцев в году — непосильная нагрузка для родительской психики, поэтому летом отец с матерью «просто обязаны от меня отдохнуть».

Они были педагогами, имели длинные отпуска и могли долго наслаждаться тишиной, покоем и бездельем. Их искренне удивляли семьи с двумя и тремя детьми, с которыми они встречались на морском побережье. «Как можно сознательно портить себе отпуск несколькими отпрысками? — удивлялись мать с отцом. — Да и вообще — портить себе ими всю жизнь». Количество детей в семье, по их разумению, было обратно пропорционально родительскому интеллекту. Поэтому у меня не было ни братьев, ни сестер. Предкам и меня было слишком много.

Если вы думаете, что я был хулиганом, прогульщиком и бузотером, то ошибаетесь. Я был обычным школьным «заучкой» — очкариком, зубрилой и ботаном. Учился отлично, вел себя прилежно. Да и как могло быть иначе, если мамуля была моим классным руководителем, отец — завучем школы, и я собственным примером должен был демонстрировать остальным ученикам действенность их педагогических методов?

Работу свою родители не любили, учеников терпеть не могли. На мой вопрос, почему в таком случае они не поменяют профессию на любую другую, отвечали: «На это есть три причины: июнь, июль и август». Четвертой было местоположение школы. Она была в двух кенгуриных прыжках от нашего дома, что позволяло экономить время, нервы и деньги при достижении «точки X» в часы пик.

Нулевые годы были теми печальными временами, когда строки Некрасова «Учитель, перед именем твоим / Позволь смиренно преклонить колени» потеряли свою актуальность. Педагоги стали «обслуживающим персоналом». Они больше не воспитывали, не формировали характер и мировоззрение, не были инженерами человеческих душ». Учителя оказывали «образовательную услугу», превратившись в коммерсантов среднего уровня. Таковыми были и мои родители. Они угрюмо отбывали свою «повинность», весь год мечтая о летнем отпуске.

Татьяна Владимировна Окоменюк родилась в 1962 году в Днепропетровске (Украина). Окончила филологический факультет Тернопольского государственного педагогического университета. Публикуется в литературных журналах Германии, Австрии, России, Беларуси, Греции, Бельгии, Франции, Чехии, США, Израиля, Латвии, Украины. Автор 30 книг художественной прозы, изданных в Германии, США и России. Лауреат литературных премий имени: А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, А. Т. Твардовского, Л. Н. Толстого, В. В. Маяковского, святого благоверного великого князя Александра Невского. Живет во Франкфурте-на-Майне.

О последнем мечтал и я. У бабушки мне было куда вольготнее, чем дома, где меня все время заставляли писать сочинения и диктанты, читать книжки на английском языке и решать заковыристые задачки. В Первомайском же я мог весь день гонять на улице, являясь домой лишь перекусить, чтобы тут же вернуться к своим дворовым приключениям.

Бабушка жила в двухэтажном, построенном буквой «П» доме, во дворе которого была разбита большая прямоугольная клумба с бордюрными бородатыми ирисами желтого и фиолетового цветов. Местные жители называли их касатиками или петушками. Клумба эта делила внутреннюю территорию на две равные части. И если за мной гнались недруги из соседнего двора, достаточно было добежать до петушков, крикнуть: «Ба-а-а!», и в окне тут же появлялась бабуля, а вместе с ней и остальные бабушки, у которых все лето на кухнях не закрывались окна. Недруги это знали, поэтому гоняли наших ребят не дальше клумбы. Связываться со взрослыми они не решались, да и преследовали нас больше для острастки — чтобы отбить охоту ходить в их двор с «хитропой целью посидеть в чужой беседке и покататься на чужих качелях».

Странным образом клумба с петушками трансформировалась в моем сознании в своеобразный символ безопасности. Успел до нее добежать — все, ты «в домике», и никакой враг тебе не страшен. Бордюрные бородатые ирисы часто являлись мне во снах в качестве островка спасения от недоброжелателей, опасных передряг и жизненных невзгод. Они стали для меня настоящим фетишем, олицетворяющим защиту, покой и комфорт. Поэтому я с нетерпением ждал лета, чтобы в очередной раз сфотографироваться по ту сторону желто-фиолетовой клумбы.

Разглядывая в альбоме собрание моих «ирисовых» снимков, родители иронично вздыхали: «Какое-то психическое отклонение. Каждый год, взрослый уже, пацан, как детсадовская девчонка, запечатлевает себя в одном и том же цветнике. Совсем кукушечкой поехал».

Им было невдомек, что для меня, мальчика с низкой самооценкой и повышенной тревожностью, эта клумба стала точкой опоры. Той самой, которой должна была стать семья. Но последняя, увы, никогда не являлась моей крепостью, той пресловутой каменной стеной, за которую можно было спрятаться. Наоборот, она была полем боя, местом осмеивания и обесценивания моих поступков.

Дома я никогда не слышал похвалы. Родители не замечали моих успехов, зато часто внушали мне чувство вины, не принимая меня таким, какой я есть. Они постоянно читали мне нотации и делали замечания, сравнивая с другими, более успешными, учениками.

Отец с матерью меня постоянно одергивали: «Ну что ты за тупица! Я в твои годы уже столько всего знал и умел!», «Криворукий! Лучше вообще не берись, раз не умеешь!», «Что это за манера ходить ссутулившись? Ты уже на Квазимодо стал похож!», «Почему ты вечно хмурый? Выражение твоей физиономии всегда такое, будто ты полакомился кашками».

Подобные замечания сильно разрушали мою самооценку. После них я становился еще более скованным, тревожным, робким и замкнутым. Начинать еще больше сутулиться и меньше улыбаться. Боялся знакомиться с новыми людьми, считая, что они непременно заметят мои внешние и внутренние недостатки и будут надо мной потешаться.

Я не помню каких-то минут нежности с мамой или разговоров по душам с отцом. Меня никогда не ласкали, не обнимали, не целовали. Между мной и родителями всегда была какая-то эмоциональная дистанция, лишаящая меня чувства защищенности.

Отец с матерью искренне считали, что критиканством и муштрой лепят из меня настоящего мужчину, «за поступки которого им не будет стыдно перед обществом».

Отсюда и «железная дисциплина», которая была призвана «сделать из слюнтяя человека». Ложиться спать я должен был ровно в девять и ни минутой позже. Не в младших классах, а вплоть до выпускного. И когда наши ребята обсуждали какой-то сериал или телепередачу, транслировавшиеся после программы «Время», я был единственным, кто «отстал от поезда» и не мог поучаствовать в дискуссии.

Если же я вдруг опаздывал домой, родители могли не открыть мне дверь — «спи там, где гулял». Однажды мне пришлось ночевать у соседей, обнаруживших меня сидящим на холодных ступеньках у лифта. До сих пор не понимаю, как родные не боялись, что я уйду куда-нибудь ночью, и там со мной случится что-то плохое. Видно, были уверены, что такое трусло, как я, не рискнет фрондировать, зато на всю жизнь запомнит время начала «комендантского часа».

В доме у меня был ряд хозяйственных обязанностей, в том числе вынос мусора и выгул нашего пса Буяна. Однажды я совершенно забыл о собаке, и отец, разбудив меня среди ночи, отправил нас во двор. Натыкаясь на лавочки, деревья и столбики, я, сонный, полчаса бродил у дома, пока пес не сделал все свои дела. Уснуть после этого уже не смог, все думал о том, что, воспитывая меня, родители практикуют какие-то странные методы, годящиеся больше для пенитенциарной системы.

А однажды я проснулся ночью от страшной вони и обнаружил у изголовья своей тахты мусорное ведро. Что сие означало, понял сразу: это наказание за не вынесенный вовремя мусор. Матушка решила, что убойное амбре от рыбьих голов и кишок навсегда отучит меня игнорировать обязанности по дому. И она оказалась права: в напоминаниях я больше не нуждался.

Груз ответственности перед родителями всегда давил на меня бетонной плитой. Я никогда не был собой, пожизненно играя роль «образцового мальчика», который не имеет права на ошибку. Мне всегда очень хотелось, чтобы мама с папой мной гордились. Но делала это только бабуля, а дипломированные педагоги, «дабы не избаловать», предпочитали «держаться отпрыска в ежовых рукавицах».

Все мое детство и отрочество я слышал произносимые родителями афоризмы: «Каждый сверчок знай свой шесток», «За одного битого двух небитых дают», «Что позволено Юпитеру, то не позволено быку», «Я — последняя буква в алфавите», «Доверие хорошо, а контроль лучше», «Много хочешь — мало получишь», «Не можешь — научим, не хочешь — заставим», «Чем больше нас бьют, тем крепче мы становимся»...

Но крепче я почему-то не становился. Наоборот, все больше и больше терял чувство уверенности в себе и доверия к родителям. Мои проблемы и чаяния они игнорировали. На любую мою жалобу отвечали: «Не отвлекай нас своими глупостями! Займись чем-нибудь полезным!» или «Что ты все время скулишь? Настоящие проблемы у тебя еще впереди!»

И я перестал «скулить», особенно после перенесенного мной предательства. Предал меня мой друг Валерка Обручев, вместе с которым мы отдыхали на каникулах в спортивном лагере.

В день, когда я дежурил по корпусу, кто-то украл из кармана куртки нашего тренера небольшие деньги. Петрович выстроил нас в шеренгу и предложил виновнику самому признаться в проступке. Тот даже ухом не повел, зато мой друг Валерка вдруг произнес: «Это, наверное, Серега их умыкнул, в корпусе, кроме него, никого не было».

У меня земля ушла из-под ног. Это было первое предательство в моей жизни. Я покраснел до корней волос и готов был провалиться сквозь землю. Украсть деньги у своего тренера, хорошего знакомого моих родителей, для меня было невыносимо! Но самым страшным в этой ситуации стало то, что это абсурдное обвинение произнес человек,

которого я считал своим другом. С которым пять лет просидел за одной партой и делился не только бутербродами, но и своими секретами. Какая муха укусила его в тот момент, он и сам не знал. Сказал, что эта чушь вылетела из его рта непроизвольно и была обычной шуткой. К тому же Петрович все равно ему не поверил, покрутив пальцем у виска.

Валерка потом долго ко мне подлизывался, но общаться с ним мне уже не хотелось. Вернувшись из лагеря домой, я поделился своей бедой с мамой, поскольку очень нуждался в поддержке близкого человека. Погладь она меня тогда по голове и произнеси соответствующий моменту афоризм, типа:

И я порой терял друзей,
не потому, что — ротозей,
а потому, что есть друзья,
которых не терять нельзя¹,

я бы успокоился и забыл об этом казусе, как о страшном сне. Но не так судьба велела. Мама вечером рассказала обо всем отцу, и они вдвоем устроили мне «допрос с пристрастием», заставляя признаться в том, чего я не делал. Я, разумеется, не брал на себя чужую вину, но родители мне не поверили. «Не мог твой близкий друг просто так тебя оговорить, — сделал вывод отец. — Не бывает дыма без огня».

Допрос продолжался несколько часов. Родители сидели в креслах, я же стоял перед ними, как подсудимый. На часах уже была полночь, болели спина и ноги, слипались глаза, но условием прекращения экзекуции было мое признание. И я... признался — уж очень хотелось спать. Мне уже было плевать на то, что они обо мне подумают — лишь бы поскорее добраться до постели. В этот момент я чувствовал себя Галилео Галилеем, признавшим себя еретиком и покаявшимся перед судом инквизиции, но, выйдя за дверь, произнесшим: «И все-таки она вертится!» Увы, по натуре своей я не был Джордано Бруно, отправившимся за свои убеждения на костер. Я был героем стихотворения Евгения Евтушенко, который «знал, что вертится Земля, но у него была семья».

Была семья и у меня, и именно она преподавала мне хороший урок: чтобы избежать родительского гнева, нужно держать язык за зубами. С тех пор я стал подавлять в себе все значимые эмоции и переживания. Перестал делиться со старшими проблемами и подробностями своей жизни, отгородился от них, потеряв доверие к их авторитету. Но это не всегда уберегало меня от очередной психотравмы.

В студенческие годы со мной произошел такой случай. Учился я тогда на третьем курсе. Учился на отлично, за что и получал повышенную стипендию. Моим любимым предметом был сопромат, люто ненавидимый всеми поколениями студентов. Преподавал его друг нашей семьи доцент Загорский, знавший меня с детства. Несмотря на близкое знакомство с преподавателем, к его предмету я готовился очень добросовестно. Каково же было мое удивление, когда на экзамене он стал вдруг меня сбивать своими замечаниями: «Молодой человек, вы льете воду. Переходите к сути», «Не сотрясайте воздух, отвечайте конкретно на вопрос!», «Не хитрите, признайтесь честно, что не подготовились к экзамену!»

Я растерялся и сильно расстроился. Загорский всегда обращался ко мне по имени и на «ты». Перейдя на «вы» и «молодой человек», доцент демонстрировал свою от-

¹ Поэт Владимир Карпеко.

чужденность и решимость поставить мне низкую оценку. На «неуд» он все-таки не решился, но «удовлетворительно» поставил с легкостью, бросив мне в спину: «К экзаменам, юноша, нужно готовиться, не уповая на былые заслуги».

Сказать, что я был убит этим событием, ничего не сказать. И дело было даже не в том, что, получив тройку, я лишился стипендии. Хотя деньги эти были для меня совсем нелишними. Самым страшным была непонятка: «Что же все-таки произошло?» К экзамену я был готов, отвечал по сути. Почему Загорский постоянно сбивал меня с мысли, не давая пояснить тезис? Как могло случиться, что я, отличник и перфекционист, в мгновение ока стал троечником? Что скажут на это родители, привыкшие к моим успехам?

Родители же повели себя странно. Узнав о результатах экзамена, отец, не глядя мне в глаза, процедил сквозь зубы: «Он прав — к сессии нужно тщательно готовиться», а мама привычно спряталась за поговорку: «Не все коту Масленица, будет и Великий пост!» Станным было то, что они ни разу не вспомнили об этой тройке и в дальнейшем всячески избегали разговора на эту тему.

Я же считал себя неудачником и продолжал страдать. Так же сильно, как и после ложного обвинения в краже. Переживания эти сказались на моей дальнейшей успеваемости: повышенной стипендии я больше не получал.

И лишь спустя десять лет мне стало известно, что виновником произошедшего тогда, был мой отец. Накануне экзамена по сопромату он здорово поссорился с Загорским на почве репетиторства, переманив к себе на занятия сыновей-близнецов известного в городе предпринимателя. Вот доцент и отыгрался на мне, парне, считавшем себя все эти годы тупым валенком и позором семьи.

А ведь этой психотравмы можно было избежать, скажи мне мама после экзамена: «Не переживай, сынок, это не твоя вина. Тройка — месть Загорского папе, перехватившему у него жирный кусок. Отец близнецов здорово помог нам материалами при постройке загородного дома».

Ведь могли же мне это сказать, но не сказали, побоявшись уронить свой родительский авторитет. Предпочли проигнорировать мои переживания, хорошо зная, как близко я принимаю к сердцу совершенные мной ошибки и промахи.

Свои детские травмы я несколько лет прорабатывал с опытным психологом. Узнав об этом, родители были неприятно удивлены.

— А тебе твой психолух не сказал, что человек, который не может простить и отпустить прошлое, не имеет будущего? — нахмурил брови отец. — Оно и понятно: его задача — паразитировать на таких обиженных, как ты. Зачем вспоминать хорошее? Проще превратить клиентов в жертв родительского садизма и продолжать доить их кошельки.

— Какие травмы? Ты что, из семьи алкашей, бомжей или наркоманов? — закатила глаза мама. — Да у тебя в детстве было все: кружки, секции, репетиторы! Благодаря нам ты получил высшее образование, достойную профессию, хорошо оплачиваемую работу, необходимые навыки самообслуживания, позволяющие тебе прекрасно обходиться без мамок-нянек, свинья ты неблагодарная! А кто помог тебе защитить диссертацию? Кто купил тебе первую квартиру, когда ты надумал жениться? Плохие родители! Да если б не наши методы воспитания, ты давно б уже качался по нарколечебницам, как твой одноклассник Петька Вахрушев. Или сидел в тюрьме, как Вадька Пастухов. Или лежал в могиле, как Санька Каморзин. Сваливать свои внутренние проблемы на родственников — эгоистичная позиция инфантильной личности. Игорь Губерман о таких, как ты, сказал:

Не стоит скапливать обиды,
Их тесный сгусток ядовит,
И гнусны видом инвалиды
Непереваренных обид.

Мы с отцом сделали все от нас зависящее, чтобы ты стал достойным, уважаемым членом общества!!!

Да, с этой целью родители и в самом деле справились: я не стал ни алкашом, ни наркоманом, ни уголовником. Сегодня я — ценный специалист, руководитель научной лаборатории, обладатель нескольких авторских свидетельств, хороший муж и, надеюсь, хороший отец.

Своих сына и дочь я воспитываю совершенно иначе — в обстановке уважения к личности и взаимного доверия. Отпуска мы проводим только вместе. Я в курсе всех их проблем и чаяний. Мы с супругой никогда не повышаем на них голос, часто обнимаем и говорим о своей любви. Мы отмечаем каждый, даже самый незначительный успех отпрысков, не скупимся на похвалу, гордимся ими, даем им право выбора. Для нас дети всегда — на первом месте, и я изо всех сил стараюсь дать им то, чего в свое время не получил сам: безусловную родительскую любовь и принятие, доверие, понимание, ощущение безопасности и поддержки.

А свою квартиру в «доме с петушками» мне завещала моя бабуля. Именно на деньги, вырученные за ее продажу, мы с женой и купили потом однушку в областном центре. Родители тогда дали нам лишь несколько «ценных» советов.

В Первомайском я не был со дня похорон бабули, но этот поселок остался со мной навсегда. Я заказал знакомому художнику картину в полстены «Клумба с петушками», и как только в моей жизни что-то происходит не так, я представляю себя в зоне безопасности, по ту сторону цветника с огромными бархатными ирисами, и в моей душе тут же воцаряются гармония и полный дзен.